

После того как старуха разняла двух детей, И Сымин, не желая задерживаться здесь дольше, воспользовался моментом, чтобы попрощаться. Фу Шэнь оставил им немного серебра, сказав, что провожать их не нужно, и оба, стараясь не привлекать внимания, так же незаметно, как и пришли, вышли из дома и направились обратно в город.

Однако на полпути Фу Шэнь машинально потрогал пояс и обнаружил, что нефритовая подвеска, которую он всегда носил с собой, исчезла. Если бы это была какая-то другая вещь, это не имело бы значения, но именно эта подвеска была подарком его покойной матери, и он носил её с детства, никогда не расставаясь с ней. И Сымин сказал:

— Наверное, она упала, когда ты играл с ребёнком. Давай вернёмся и поищем.

Фу Шэнь с досадой махнул рукой:

— Не стоит беспокоиться, брат И, возвращайся один. Я поищу по дороге, а если найду, то вернусь.

И Сымин знал, что эта вещь для него крайне важна, и что он не успокоится, пока не найдёт её, поэтому не стал настаивать и уехал один. Фу Шэнь же развернул коня и снова направился в сторону уездного города.

Возможно, это была судьба, которая привела к тому, что подвеска Фу Шэня осталась в маленьком дворе уездного города. Непостоянная судьба, словно огромная рука, легко управляет ветрами и облаками, переворачивает всё с ног на голову, и так же легко прерывает едва зародившуюся, но уже обречённую на провал дружбу юности.

Фу Шэнь до сих пор не хочет вспоминать точные события того дня. В его жизни было много трудностей, событий, связанных с жизнью и смертью, каждое из которых было тяжелее и кровавее этого; он также не был слабым человеком, который позволил бы себе погрузиться в воспоминания. Однако, возможно, первая рана всегда болит сильнее, и это событие стало исключением, потому что оно, вместе с последовавшими за ним переменами, жестоко ознаменовало конец его юности.

Возвращение в уездный город по тому же пути заняло всего полчаса. Однако, как только Фу Шэнь вошёл в город, он почувствовал необычайно тонкую атмосферу: казалось, людей в городе стало меньше, на улицах было мало прохожих, все дома были плотно закрыты, и чем ближе он подходил к двору, где жила Цайюэ, тем более странной казалась тишина.

Когда Фу Шэнь вёл коня по переулку, дверь маленького двора как раз открылась изнутри.

Два человека, которые не должны были находиться здесь в этот момент, неожиданно встретились лицом к лицу.

Он застыл на месте, словно получил удар по голове, его взгляд расфокусировался, губы дрожали, но из них выходили только беззвучные шёпоты:

— Янь... Сяо... Хань.

Фу Шэнь словно провалился в ледяную бездну, даже сжал кулаки, чтобы сдержать дрожь. Подсознательно он уже всё понял в тот момент, когда увидел этого человека, но его разум словно не мог среагировать, всё было мутно и неясно, он мог только произнести имя Янь Сяохана, но больше не мог сказать ни слова.

Почему ты здесь?

Что ты здесь делаешь?

Почему ты... обманул меня?

Янь Сяохань, вероятно, тоже был застигнут врасплох, но он был гораздо спокойнее Фу Шэня, и на его лице лишь на мгновение промелькнуло удивление, которое затем скрылось в глубине его тёмных глаз.

Он даже открыл дверь шире, и десятки стражей Летящего Дракона вышли наружу. Среди холодного блеска мечей и клинков Янь Сяохань спокойно спросил:

— Почему ты вернулся?

Фу Шэнь ответил:

— Я потерял нефритовую подвеску, заметил это только на дороге, поэтому вернулся поискать.

Янь Сяохань с досадой хлопнул себя по ладони и покачал головой:

— Вот почему. Всё должно было пройти гладко.

Фу Шэнь, стиснув зубы, сказал:

— Вчера ты намеренно предупредил меня о строгом расследовании беглецов, сегодня послал людей следить за мной, нашёл это место, и после того как я ушёл, арестовал всех. Таким образом, ты незаметно поймал преступников. А я остался в неведении и никоим образом не мог заподозрить тебя.

— Какой изящный план, какой хитрый манёвр! Господин Янь, вы так тщательно всё продумали, что даже должность командира Императорской гвардии кажется для вас слишком скромной.

Янь Сяохань, словно не замечая сарказма в его словах, сложил руки в приветствии и сказал:

— Чтобы поймать беглецов, пришлось пойти на такие меры. Это было вынужденное решение, прошу прощения, господин Фу.

Фу Шэнь усмехнулся:

— Не извиняйся.

— Винить стоит только меня, за то, что я вмешался в чужие дела и впустил волка в дом, — он пристально смотрел на Янь Сяохана, его взгляд был острым, как нож, и он медленно произнёс:

— Я тогда ослеп, приняв волка за овцу, и теперь, когда он меня укусил, это моя вина.

Янь Сяохань стоял, сложив руки за спиной, его лицо не выражало эмоций, и он спокойно сказал:

— Прошу прощения.

Фу Шэнь безжалостно отрезал:

— Не надо, не за что.

Они долго стояли друг против друга, пока Янь Сяохань наконец не вынул одну руку из-за спины, раскрыл ладонь и показал лежащую на ней гладкую и блестящую нефритовую подвеску из белого нефрита, с вырезанными на ней двумя цветами кампсиса. Шнурок на подвеске был уже изношен, а цвет потускнел, что говорило о том, что её часто носили.

— Это она? — спросил он.

Фу Шэнь молча взял подвеску за кисточку. Ладонь Янь Сяохана опустела, и он, словно не привыкнув к этому, слегка сжал пальцы, прежде чем убрать руку.

На этом всё было кончено, им больше нечего было сказать, разбитое зеркало не склеить, разлитую воду не собрать. Предательство и обман были выставлены на всеобщее обозрение, и ни раскаяние, ни извинения, ни даже уверенность в своей правоте уже ничего не могли изменить.

По характеру Фу Шэня можно было ожидать, что он начнёт кричать или даже бросится в драку, но сейчас он чувствовал только усталость и хотел найти место, чтобы закрыть глаза и уснуть. Удар Янь Сяохана был слишком точным и слишком сильным, он намертво пригвоздил его, и кровь ещё не успела хлынуть наружу, как он уже потерял силы для сопротивления.

Возможно, винить стоит не только Янь Сяохана, Фу Шэнь сам был совершенно беззащитен, словно сам указывал на свою грудь, куда нужно ударить, разве это не глупо?

— Фу Шэнь, — когда он уже собирался уйти, Янь Сяохань внезапно окликнул его.

Он сказал:

— Я уже говорил тебе, что наши положения — одно на небе, другое на земле, это разница между облаком и грязью.

Фу Шэнь остановился.

— Я виноват, что ранил твоё сердце. Но если бы всё повторилось, я бы снова поступил так же.

Жестокие стражи Летящего Дракона наконец сорвали свою неподвижную маску, и впервые в жизни он открыто показал свои амбиции и желания, с такой уверенностью, что казался даже более честным, чем благородный человек.

— Даже в куче грязи есть свои степени, и хотя я погряз в ней, я всё же хочу найти путь к жизни.

Спереди раздалось несколько звонких хлопков, и Фу Шэнь наконец обернулся, высоко подняв брови, с улыбкой на губах, и его презрение и насмешка были видны как на ладони.

— Как трогательно. К сожалению, я так не думаю, — он тихо сказал. — Господин Янь, ты до сих пор не видишь? Никто тебя не заставлял, ты сам добровольно погряз в грязи.

Сказав это, он повернулся и пошёл к выходу из переулка.

Фу Шэнь тоже хотел решительно уйти, но с каждым шагом нож в его сердце словно вытаскивали на миллиметр, и кровь с болью, больше не сдерживаемые, хлынули из раны, которая уже не могла их удерживать.

Этот переулок казался бесконечным, он знал, что кто-то смотрит ему вслед, поэтому изо всех сил старался держать спину прямо. Но чем больше он напрягался, тем более явной становилась его боль.

Внезапно перед его глазами возникла фигура, спина которой не была широкой, но была необычайно прямой, она присела перед ним, показывая, чтобы он залез на неё.

Фу Шэнь внезапно пришёл в ярость, резко развернулся и с силой бросил нефритовую подвеску с цветами кампсиса на землю.

С громким звоном осколки разлетелись во все стороны.

— Отныне между нами всё кончено, как с этой подвеской.

Он больше не хотел смотреть на неё, словно оставил всё позади. Янь Сяохань смотрел на осколки на земле, словно видел покрасневшие глаза Фу Шэня, когда тот повернулся.

Если говорить о дружбе, то они, казалось, не сильно отличались от обычных друзей. Этот

разрыв нельзя было назвать полным разрывом отношений, но и не из-за разницы во взглядах, он смутно понимал, что потерял что-то более глубокое и хрупкое, чем дружба.

Вместе с подвеской разбились, наверное, безоговорочное доверие и ещё незрелое, наивное сердце.

Фу Шэнь мчался на коне из города, его фигура была как стрела, выпущенная из лука, поднимая клубы пыли. К счастью, в городе было мало людей, а за городом простирались обширные пустоши, поэтому его бешеная скачка никому не мешала. Ветер в поле был как огромная волна, развевающая его одежду и затуманивающая глаза, и он, словно в самоистязании, вымещал свой гнев.

Когда он наконец остановился, полностью измотанный, Фу Шэнь дотронулся до уголков глаз и обнаружил, что они сухие.

Неизвестно, не заплакал ли он, или слёзы высохли от ветра.

<http://bllate.org/book/15271/1347957>